

О перце,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛКИ
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ
УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ
ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЛЮБОВЬ
НЕ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

р о м а н

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Любовь не с первого взгляда : роман /
Вера Колочкова. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 288 с. — (О мечте, о любви, о
судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-96281-5

Надежда Сухарева выросла в семье с отцом-алкоголиком и матерью, измученной этим горем. Для девочки Нади единственным счастливым спасением от семейных драм служили поездки на велосипеде, на любимом «Чертенке №13», как она его называла. Но от реальной жизни не спасешься, не убежишь... И Надя вышла замуж за нелюбимого Виктора лишь потому, что он был трезвенником. А еще на этом браке настояла мама, потому что не хотела для дочери своей судьбы. Лишь позже Надя поняла, как сильно ошиблась. В один из вечеров она ждала мужа, но вместо него в прихожую ввалился пьяный незнакомец. И вот с этого странного события все и покатилося кувырком в ее жизни!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., текст, 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96281-5

...И ни за что она не будет скандалить! Хоть убейте, не будет. Мало того, даже и не скажет ничего. И пусть попранная женская гордость у нее внутри пыжится себе на здоровье, все равно не скажет. Вот сейчас придет драгоценный муж домой, а она мудро-снисходительно улыбнется ему и выдаст чего-нибудь такое... смешное. Будто и не обидно ей вовсе позднее его возвращение. Вот только бы придумать что-то смешное, мудрое и снисходительное...

Как назло, ничего Надежде не придумывалось. Лезла в голову все чепуха какая-то. Вот трудновато у нее с женской мудростью, не дал бог талантов. Учит ее мать всю жизнь, учит этой самой мудрости, и никакого толку. Вот и сейчас — ну прямо язык чешется взять и спросить у драгоценного мужа в лоб: не рано ли ты, родной, романы на стороне заводишь, и года после свадьбы не протерпев? Уже какой вечер подряд домой не торопишься, духами женскими от тебя

ВЕРА КОЛОЧКОВА

за три версты несет... Хорошими духами, кстати. Только от этого нисколько не легче, а даже наоборот. Очень обидно, однако! И вообще, я тут вся устаралась, ужин для тебя готовлю, гордость женскую попираю, смешную снисходительность всякую репетирую изо всех сил...

А только нельзя. Нельзя вот так, в лоб. Мама говорит, так всякая жена сможет. И еще говорит, что это самый простой путь в женское бессемейное одиночество. А хуже этого самого одиночества для женщины, получается, и нету ничего. Тем более что «адекватный непьющий мужчина», как она говорит, нынче в жутчайшем дефиците находится. Устрой такому «адекватному и непьющему» женскую ревнивую истерику — и поминай как звали. Уйдет к той, которая не устроит, то бишь к более мудрой и снисходительной. А ты останешься со своей гордостью жить дальше одна-одинешенька среди сплошных неадекватных и пьющих...

Надежда вздохнула горестно и плюхнулась со всего размаху в большое кресло, тут же принявшее ее в ласково-успокаивающую свою пухлость. Расслабься, мол, хозяйка, чего ты бегаешь по комнате туда-сюда. Однако от ласки этой домашней плюшевой стало еще хуже. Да и какое такое расслабление может быть, когда внутри горит все обидой! Ну чем, чем она Виктору не

Любовь не с первого взгляда

угодила, интересно? Да она ж для него... Если посчитать, она ж три года целых только тем и занимается, что кроит себя да перекраивает и так и этак, подгоняет под его вкусы то цвет волос, то одежду, то фигуру... И даже в законном браке не дала себе расслабиться ни минуты, так и продолжает следовать этому пути, истоки которого находятся еще там, в гражданском двухлетнем неопределенном сожительстве.

Подскачив пружинисто из мягкого кресла, словно оттолкнув его навязчивую жалость, Надежда встала перед большим зеркалом, взглянула в него пристально и критически. И плечи назад отбросила, и гордо вскинула голову. Все, все завоеванное огромными трудами и лишениями на месте! И кожа на лице свежее персика — еще бы, сколько всяких масок полезно-необходимых в нее вбито-втянуто, — и отращенные до лопаток белокурые волосы за счет парикмахерских хитростей в два раза пышнее своих, темно-русых и тоненьких. И попа, воспитанная в тренажерных тяжких трудах, торчит правильно, красиво и сексуально, и остальная худоба-стройность телесная вся при ней, ни одного лишнего мягкого кусочка нигде не завязалось. Кто бы знал только, как ей дается эта самая худоба... Ей, склонной к полноте по природе, когда от одного только случайно пойманного на улице запа-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ха горячих сдобных булочек организм впадает в многодневную и мучительную неврастению, а большой кусок жареной свинины в окружении золотистых палочек картофеля фри приходит во сне сладкими грезами и искушает томно и мучительно: съешь меня, съешь... И куда там грезам каким другим, эротическим например, до этого самого куска свинины, исходящего вкусным мясным соком под зажаристой корочкой! И рядом не стояли...

Надежда снова вздохнула, снова кинула свою красивую удобу-стройность в кожаную пухлость кресла, откинула на спинку голову. Чего ж это получается: зря старалась, выходит? Все для него, для любимого, адекватного и непьющего, — и все зря? Все мучения псу под хвост? Все в себе улучшила-исправила, только что до голоса дело не дошло... Слава богу, легкая ее картавость Виктора вполне устраивала, умиляла даже. Он даже в лучшие их времена пытался тут же повторять за ней слова, забавно и смешно грасируя на французский манер. Хорошо, а то бы и голос ей пришлось себе исправлять. А как там его исправляют, бог его знает? Может, операции какие серьезные делают, не приведи господи... Боже, уже половина одиннадцатого!

Она снова выскочила-вытолкнула себя из кресла, снова заходила по крохотному свободному

Любовь не с первого взгляда

пространству однокомнатной квартиры. Вот видела бы ее сейчас мама! Наверняка бы совет какой-нибудь дельный дала. Только звонить маме не хотелось. Не хотелось в очередной раз огорчать ее отсутствием у себя женской мудрости. Да и сколько уже можно одну только мамину мудрость бесконечно эксплуатировать? Мама и так последние силы напрягла, чтоб перевести наконец свою дочь из гражданского пустого сожительства в уважаемо-законное замужнее состояние, а тут — нате вам. У дочери опять ума не хватило, как около себя своего адекватного и непьющего мужа грамотно удержать. Таковую сейчас редкость — чтоб адекватного, чтоб непьющего.

Мамин муж, то есть Надеждин отец, ныне покойный, при жизни был хроническим алкоголиком. Даже не хроническим, а классическим, если можно об этой проблеме так вольно выразиться. Пил он много, регулярно и без устали, упорно не признавая в этом своем занятии никакого греха. А тем более болезни. А мама за него долго и всячески боролась, отдавая всю себя этой героической борьбе без остатка. Так они и строили свою семью: папа все не признавал, а мама все боролась, боролась... Даже на дочку ей времени практически не оставалось. Надежде как раз шестнадцать исполнилось, когда отец погиб под

ВЕРА КОЛОЧКОВА

колесами огромного рефрижератора — не разглядел его неуверенной походки водитель, думал, нормальный человек обойти пытается его мощное, медленно выезжающее из переулка холодильное тулово. С тех пор вся мамина не растраченная в борьбе энергия, видоизменившись немного, стала уходить на то, чтоб сделать дочь свою счастливой в ее, дочернем уже, браке. Чтоб не досталось ей маминой доли — с пьющим мужем жить. Да и сама Надежда такого опыта совсем не хотела. Вот и выходило по всему, что самое главное достоинство любого мужчины только в том и состоит, что с зеленым змием он не дружен. Самое главное, то есть определяющее! А все остальное — так, значения не имеет. Ну, адекватность, конечно, тоже желательна. То есть наличие у этого непьющего мужчины какой-никакой хлебно-кормящей специальности и постоянного рабочего места с опять же какой-никакой зарплатой. И все. И больше для женского счастья ничего и не нужно, как мама искренне полагала...

Кавалеров до замужества у Надежды не сказать чтобы было сильно много, но все же водились. В основном из своих, из велосипедной их тусовки. Или из параллельной жизни, которая протекает по своим неписанным законам и правилам. И чужаки в эту параллельную жизнь

Любовь не с первого взгляда

не забредают практически, потому что им, чужакам этим, вовсе непонятны такие простые вещи, чем, например, стритовый велик отличается от триального, а триальный — от обыкновенного кросс-кантри... Для них, для чужих, велик — это ж просто железяка о двух колесах, транспортное средство, и ничего более. А как он хозяином любовно «апгрейден» — это только свой разглядеть может. Разглядеть и оценить по достоинству и классную вилку, и облегченную алюминиевую раму, и переключатели, и вообще весь обвес-прикид. И только свой поймет, какие ты испытываешь чувства, сделав свой первый в этой параллельной жизни «банник», то есть прыжок на заднем колесе... Надежде долго все никак не давался этот самый «банник», зараза его разбери! С «хопом» — прыжком с двумя колесами одновременно — как-то сразу дело пошло, а вот с банни-хопом она от всей души намучилась. А потом как-то так все лихо стало получаться, что аж до «мануала» она уже подтянулась и довольно долго могла ехать на одном заднем колесе, не уступая собратьям по их двухколесно-прекрасной жизни. Именно прекрасной, если сравнивать ее с той, с домашней, с вечно пьяным папой, с остервенело-безрезультатно борющейся с его недугом мамой...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Собратьями были в основном мальчишки, конечно же. Девчонки прибивались к их тусовке редко. Да оно и правильно — на то они и девчонки. На велик в мини-юбке да на каблучищах не очень-то взгромоздишься, тут надо себе во многом истинно девичьем отказать... Не каждая так сможет. Надежда вот, например, смогла. Хотя дело тут было не совсем уж в удовольствии как в таковом, если честно. Дело тут было в полном отсутствии в Надеждином гардеробе этих самых мини-юбок и каблучищ. И в отсутствии в карманах даже минимума карманных денег. Откуда им было взяться-то? Папа все деньги на свое «увлечение» спускал, да еще и норовил призанять у кого ни попадя...

По поводу отсутствия девчачьих модных одежонок она не комплексовала совсем. Нет — и не надо. Есть старые расшлепанные кроссовки, есть джинсики синенькие-рваненькие, есть ветровка-косуха от дождя, есть даже черная бандана с белым черепом — много ли надо человеку, чтоб достойно провести свою юность? А вот отсутствие в кармане мало-мальских хотя бы денежных средств угнетало ее по-настоящему. Очень уж хотелось «апгрейдить» свое двухколесное детище по-настоящему, купить новую «обвеску» к сезону. Тут уж надо отдать должное собратьям — помогли они ей исправно. Кто

Любовь не с первого взгляда

чем, с миру по нитке... Так что «апгрейд» в конце концов получался совершенно полнейший: от смены деталей, будто из ниоткуда, возникал вдруг совершенно новый велик, и даже имя ему приходилось давать новенькое. Так она объездила и первую свою Ласточку, а потом был еще Мальчик, а потом еще Чертенок № 13... Они, ее велики, были почти родными, были усталыми, понимающими и молчаливыми. Они умели сливаться с ней родством в единый организм, живой, гибкий и красивый. Они были родителями, братьями и сестрами, дядями и тетями, эти железяки о двух колесах... Подумаешь, железяки! Зато они не кричат пьяным надрывным голосом на кухне о «праве на свою собственную жизнь», не засыпают за столиком придорожной пивнушки, не трясутся в утробном маминном вое, горестном, на одной высокой ноте, таком безысходном, что слезы сами льются в подушку от жалости. Или от страха. А может, это просто жалостливый такой страх. Или испуганная жалость. Льются и льются из глаз на наволочку с рисунком из желтых листьев, и они промокают, темнеют от сырости, как от осеннего дождя...

Вообще, была б ее, Надеждина, воля, она б совсем, ей казалось, домой не ходила. Ездил бы себе и ездил по коварной весенней наледи, или по остывающему к ночи летнему асфальту,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

или по лужам с мокнущими в них тополиными облетевшими листьями, или по снежной хрусткой крупе... Только воли у нее такой не было. Надо было вечером мчаться домой — маму в ее горестной борьбе поддерживать. Или, хуже того, папу по пивнушкам искать, а потом тащить его домой, шатаясь от тяжести, как пьянчужка-собутельница какая. Но это уже отдельная песнь. Грустная очень. Не песнь даже — баллада, от которой внутри все скручивается холодным жгутом и норовит ударить по сердцу, и никак этот жгут не желает хоть чуточку ослабнуть и дать вздохнуть посвободнее. Потому как оно хорошо, конечно, когда присутствует в твоей жизни железная двухколесная любовь и преданность, но родительской простецкой любви тоже почему-то сильно хочется...

А потом папа умер, и, грех сказать, отпустило. И душу, жгутом скрученную, отпустило, и тело тоже. В том смысле, что начала Надежда сразу поправляться, как на дрожжах, наливаясь лишними никчемными килограммами, и опомниться не успела, как превратилась в рослую статную да фигуристую девицу с плотными ногами и тяжелыми кусками мяса на талии и бедрах. И аппетит вдруг у нее такой небывалый прорезался — мела все подряд, будто с голодного острова спаслась. Даже велик пришлось поку-

Любовь не с первого взгляда

пять срочно новый — мама на первый взнос по кредиту раскошелилась. Она и сама помолодела-порозовела будто, хотя по мужу погибшему отгоревала-отплакала честно, как порядочным вдовам и полагается. А отплакав, развернулась всем своим существом к дочери и рассматривала иногда ее так долго и удивленно, что Надежде как-то даже неловко становилось за такой к себе живой любовный интерес... И еще — она очень спугнуть его боялась, интерес этот. И с радостью принимала материнскую о себе заботу, словно свалившуюся вдруг на голову манну небесную. Не привыкла она к таким нежностям, чего уж. И к заботе не привыкла. И к материнской бдительности насчет ее девичьей чести тоже не привыкла. Однажды взяла и заявила домой глубоко за полночь, как часто бывало и раньше, в той еще жизни. Чего такого-то? Ну, задержалась, ездили на великах на дальние озера всей тусовкой... И потому очень удивилась, когда в ночной прихожей нарисовалась мама с тапкой в руке. И ударила ее по лицу этой тапкой так, будто таракана прихлопнула. Неожиданно и резко. А потом молча развернулась и ушла спать. Оскорбилась, видно, за материнские свои переживания по поводу ее позднего возвращения. Да если б Надежда знала, что она переживать будет, да она бы никогда...